

Плавание по Миссури

Джеймс Шульц

1892

Джеймс Уиллард Шульц

Плавание по Миссури

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72012871

SelfPub; 2025

Аннотация

Автобиографический рассказ автора о том, как он со своей женой из племени черноногих решил проплыть по реке Миссури на лодке – они вспомнили прежние времена, увидели знакомые места, встретили старых друзей.

Содержание

Вступление	6
Описание местности	13
О книге	18
I	20
II	33
III	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джеймс Шульц

Плавание по Миссури

*Скала Цитадель, из «Карандашных набросков Монтаны»
А.Е. Мэтьюса*

*Я думаю, что мне нужно пробраться на Территорию
раньше остальных, потому что тётя Салли собирается
усыновить меня и воспитать в цивилизованном духе, а я*

этого не вынесу. Я уже был там раньше.

Гек Финн

Вступление

В этом кратком предисловии к «Плаванию по Миссури» сегодняшним читателям хотелось бы рассказать кое-что об авторе, том, что его окружало, и немного о книге.

Об авторе

Визит к родственникам в Сент-Луис Джеймс Уиллард Шульц впервые встретился с людьми с Дальнего Запада. Ещё когда он был подростком в Нью-Йорке у него развилась сильная любовь к жизни на свежем воздухе. Беспокойный и трудный юноша, которого исключили из военного училища, был взволнован рассказами о приключениях среди индейцев и бизонов.

Итак, весной 1877 года семнадцатилетний Шульц сел на пароход «Бентон», направлявшийся вверх по реке Миссури на территорию Монтана:

«Я видел каждый фут берегов Миссури, 2600 миль, которые лежали между Миссисипи и пунктом нашего назначения, фортом Бентон, где заканчивалось судоходство. Я увидел прекрасные рощи и пологие зеленые склоны в нижнем течении реки, странные «бесплодные земли» над ними, а также живописные утёсы и стены из песчаника, кото-

рые ветер и буря придали им всевозможные фантастические формы, характерные для верхнего течения судоходной части реки... После того, как мы достигли страны бизонов, было много мест, мимо которых я проплывал с сожалением; я хотел остановиться и исследовать их¹.»

В форте Бентон юноша подружился с Джозефом Киппом, опытным индейским торговцем, который сопровождал индейцев-черноногих по равнинам центральной Монтаны. Шульц близко познакомился с племенем и его владениями, принимал участие в охоте на бизонов и военных походах. Апикуни, или Далекая Белая Накидка, как черноногие называли Шульца, женился на молодой индианке в 1879 году. Натаки (Женщина Красивый Щит) родила ему его единственного ребенка, Харта Мерриама Шульца, известного как индейский художник Одинокый Волк. После истребления стад бизонов семья поселилась в резервации черноногих близ Браунинга, штат Монтана. Не уделяя особого внимания своему ранчо, Шульц с удовольствием водил охотничьи компании в близлежащие Скалистые горы. Он также проводил много времени, беседуя с известными воинами черноногих и слушая их воспоминания о прошлых приключениях.

Среди постоянных клиентов Шульца был Джордж Бёрд Гриннелл, выдающийся натуралист и исследователь истории индейцев. Вместе они исследовали скалистые, покрытые льдом горы к западу от резервации. Красота величественных

¹ Джеймс Уиллард Шульц, «Моя жизнь среди индейцев»

вершин и спокойных горных озер вдохновила Гринелла на проведение кампании по сохранению этого района. Шульц помогал ему в написании статей для журналов и репортажей. В конце концов, законодательство закрепило за этим районом статус национального парка Глейсир. Вполне уместно, что некоторые природные объекты парка носят имена этих двух людей: ледник Гринелла, водопад Гринелла, озеро Гринелла и гора Гринелла; гора Аппекунни, ручей Аппекунни и водопад Аппекунни (Аппекунни – это написание Гринеллом индейского имени Шульца). Названия перевала Ружейный Прицел и горы Стрельбы напоминают об охотничьей экспедиции этой пары в 1890 году. Многие другие горные вершины носят имена индейцев-черноногих, рекомендованные Шульцем.

Будучи редактором популярного журнала о природе «Лес и ручей», Гринелл поощрял своего друга публиковать истории о приключениях черноногих, которые он часто рассказывал у костра. Так начался двадцатилетний период творчества Шульца, в течение которого он обращался к читателям этого журнала, излагая своё личное видение на жизнь индейцев и жизнь на границе. Гринелл позаимствовал некоторые материалы Шульца, чтобы опубликовать их в книге «Рассказы из вигвамов черноногих» в 1892 году. Большинство рассказов Шульца вышли под псевдонимом или под его индейским именем; даже многие персонажи его рассказов были переименованы. Вероятное объяснение было дано в рассказе

о Джозефе Киппе, опубликованном в 1906 году: *«Он все еще жив; и поскольку в ходе этой истории я могу рассказать о некоторых вещах, которые мы делали вместе, о чем мы оба теперь искренне сожалеем, я не буду называть его настоящего имени»*. (Иногда они обманывали индейцев).

Осенью 1901 года Шульц и его жена решили проплыть по реке Миссури. Во время путешествия Натаки пожаловалась на боли в пальцах. Они подумали, что это ревматизм, но боль распространялась и усиливалась. После поездки врач диагностировал у неё неизлечимое заболевание сердца. Конец описан в последнем абзаце *«Моей жизни среди индейцев»*: *«В течение одиннадцати месяцев мы делали всё, что могли, и вот однажды моя верная, любящая, добросердечная маленькая женщина скончалась и оставила меня. Днем я думаю о ней, ночью она мне снится. Я бы хотел, чтобы у меня была вера, которая учит нас, что мы встретимся снова на другом берегу. Но для меня все выглядит очень мрачно»*. Это был удар, от которого Шульц так до конца и не оправился.

В следующем году Шульц и его клиент были арестованы за незаконный отстрел дичи. После того, как дело несколько раз продолжалось, Шульц переехал на Западное побережье. (Обвинения против него были сняты в 1915 году). В Калифорнии Шульц работал рекламным агентом в нефтяной компании, а позже литературным критиком в «Лос Анджелес Таймс». Занимая эти должности, он продолжал писать для «Лес и ручей». Пиком этого сотрудничества с Гриннел-

лом стала публикация отдельными главами в 1906 году автобиографической книги «Моя жизнь среди индейцев»; вскоре после этого она была опубликована отдельной книгой. На каждой странице этой книги выражена любовь к земле и ее навсегда ушедшему прошлому: *«Обширные бурые равнины, далёкие, стройные, с плоскими вершинами холмы; еще более далёкие гигантские горы с голубыми склонами, острыми пиками и заснеженными шапками; запах шалфея и дым походного костра; гром десяти тысяч топот бизонных копыт по твёрдой сухой земле; протяжный, меланхолический вой волков, нарушающий ночную тишину – как же я любил всё это!»*

Большинство книг и статей, которые в те дни читала широкая публика, изображали индейцев жестокими дикарями, бесчувственными примитивами, ленивыми подопечными или беспомощными жертвами предначертанной им судьбы. Во введении к книге «Моя жизнь индейцев» Гриннелл хорошо подытожил глубокое понимание и уважение Шульца к индейцам:

«Автору удалось проникнуть за завесу расового безразличия и непонимания и приблизиться к сердцу народа, о котором он пишет. Никогда прежде не было написано столь откровенного описания повседневной жизни индейцев. Сочувственное понимание, которое проявляется повсюду, убедительно. Мы чувствуем, что изображенные мужчины и женщины – это настоящие мужчины и женщины, реально су-

существующие. И в то время как в вигвамах на реке Марикас господствуют стихийные страсти, мы узнаем в черноногом, описанном здесь, существо, обладающее такой же человечностью, что и мы сами. У него те же любовь и ненависть, надежды и страхи. Мотивы, которые движут им, движут и нами.»

Широкое признание, которое получила книга «Моя жизнь среди индейцев» за многие годы, прошедшие с момента ее публикации, свидетельствует о ее превосходстве.

Воодушевленный успехом своей первой книги, Шульц всерьез занялся писательством. Большая часть его работ была опубликована серийно в молодёжных журналах, таких как «Американский юноша», «Жизнь юноши» и «Св. Николай», прежде чем выйти в виде книги. В период с 1906 по 1940 год он написал тридцать семь книг, как художественных, так и документальных. Хотя они были наиболее популярны среди молодежи, эти книги представляют непреходящий интерес для читателей всех возрастов, желающих понять мысли, чувства и привычки индейцев равнин.

Начиная с 1915 года, Шульц почти каждое лето возвращался в резервацию черноногих, чтобы навестить старых друзей, услышать новые рассказы и получить новое вдохновение для будущих книг. Он также удалился в хижину в Белых горах восточной Аризоны, где познакомился с индейцами хопи. Шульц писал книгу «В Великом лесу апачей», когда узнал, что индейский агент хопи и миссионеры из резерва-

ции пытаются подавить их религию. Письма протеста, которые посыпались после публикации этой книги, помогли убедить комиссара по делам индейцев отменить запрет на индейские церемонии. Шульц также возглавлял организацию влиятельных людей, целью которой была защита прав американских индейцев и реформирование политики американского Бюро по делам индейцев.

В 1927 году Шульц познакомился с Джесси Дональдсон, молодой преподавательницей английского языка в государственном колледже Монтаны, которая заинтересовалась его творчеством. Они сотрудничали при написании романа «Дети бога Солнца» еще до того, как поженились в 1931 году.

Джесси проявляла неподдельный интерес к профессии своего мужа, и друзья Шульца из племени черноногих с готовностью приняли её. В период Великой депрессии они жили в резервации черноногих, где Джесси разработала программу ремесел, чтобы возродить почти утраченные навыки ручной работы индейцев. После их переезда в форт Вашакки, штат Вайоминг, в 1940 году, болезнь и старость помешали Шульцу писать. Его конец лучше всего описала Джесси: *«Я должна была понимать, что его время пришло. Черноногие всегда говорили, что, когда мимо проезжает возгдь, обязательно начинается буря. 11 июня 1947 года в резервации Уинд-Ривер в Вайоминге выпало четыре дюйма снега. В тот день днем Апикуни скончался.»*

Описание местности

В период от 600 до 60 миллионов лет назад территория современной Монтаны неоднократно затапливалась мелко-водными морями с востока. Воды оставили слои отложений толщиной в тысячи футов. В центральной части Монтаны, в районе, о котором пойдет речь в этой книге, эти слабо консолидированные отложения представлены в основном песчанником, известняком и мягкими глинами. Около 60 миллионов лет назад началось крупное поднятие, примерно в центре которого находился континентальный водораздел. Некоторые ручьи, текущие на восток, слились, образуя реку Миссури. Скудные осадки и, как следствие, отсутствие растительности привели к серьезной эрозии рыхлого материала во время нечастых, но сильных летних ливней. В результате образовался лабиринт крутых оврагов, протянувшихся на многие мили по обоим берегам Миссури и вверх по её притокам. Французские исследователи назвали их *mauvaises terres*, что означает «дурные земли».

Дурные земли вдоль Миссури, или овраги, недаром так называются. Они действительно были «дурными» для любого, кто пытался их пересечь. Крутые склоны, нехватка воды, щелочность воды в тех скудных источниках, которые удаётся найти, запутанные лабиринты и почти невыносимая летняя жара в сочетании делают дкрные земли местом, которо-

го лучше избегать. Можно пройти по ним вверх по Миссури, но не вглубь. В качестве последнего препятствия глинистые почвы, когда намокают, превращаются в печально известную реку миссурийскую грязь – жирную, липкую, бесконечную массу грязи, по которой практически невозможно передвигаться. Даже сегодня моторизованный транспорт останавливается, когда бесплодные земли становятся мокрыми. Но, несмотря на всю свою негостеприимность, эта местность, как показывает рассказ Шульца, невероятно красива. Охристые, лиловые и серые почвы, серебристые заросли полыни, зеленые сосны-пондерозы, прохладные оливкового цвета заросли ивняка, темно-синие холмы вдалеке и лазурное небо создают красочную картину. Изрезанный, кажущийся пустынным пейзаж прекрасен просто потому, что он естественный. Пожалуй, это самый известный участок реки Миссури в центральной части Монтаны – это район белых скал между фортом Бентон и рекой Джудит, где встречаются скульптурные образования из белого известняка и возвышающиеся контрфорсы из темных вулканических интрузий. В 1833 году немецкий принц Максимилиан цу Вид взволнованно записал: *«Здесь, по обе стороны реки видны самые странные формы, и вам может показаться, что вы видите колоннады, маленькие круглые колонны с большими шарами или плоской плитой наверху, маленькие башни, кафедры проповедников, органы с их трубами, старые руины, крепости, замки, церкви с остроконечными башнями, и так да-*

лее – почти каждая гора имеет на своей вершине что-то похожее на какое-то сооружение.» Некоторым из наиболее впечатляющих достопримечательностей были даны причудливые названия: скала Цитадель, Дыра-в-стене, скала Пароход, скала Орёл.

История реки Миссури отражает историю Монтаны в девятнадцатом веке. На её водах и берегах разыгрывались настоящие драмы – научные исследования, торговля мехами, золотая лихорадка и сражения с индейцами. Известно, что первыми белыми людьми, поднявшимися по могучей реке, были участники экспедиции Льюиса и Кларка. Оба – Мериуэзер Льюис и Уильям Кларк были проницательными наблюдателями и в 1804 году они оставили яркие и увлекательные описания верховьев Миссури. Они тщательно изучили флору, фауну и физиографию этой удивительной земли, дали названия многим природным особенностям и были очарованы ею. *«Холмы и речная грязь, которые мы сегодня преодолели, имеют самый романтический вид».* Думать о реке Миссури – значит думать о Льюисе и Кларке.

Вскоре после возвращения экспедиции распространился слух, что верховья Миссури богаты пушниной. В течение следующих тридцати лет охотники за пушниной и торговцы Мануэль Лиза, Эндрю Генри и Джордж Друйяр, среди прочих, поднимались вверх по реке на килевых лодках, чтобы осваивать богатства северных Скалистых гор. Индейские торговцы основали на реке посты, где вели свои операции –

форт Маккензи, форт Бентон, форт Чардон, форт Юнион и другие.

В 1860-х годах в горах у истоков реки было обнаружено золото. На пароходах и в плоскодонках прибывали тысячи обезумевших искателей золота, направлявшихся на россыпные работы в Вирджиния-Сити и ущелье Последнего Шанса. Это движение людей и припасов вверх по Миссури ознаменовало пик активности на реке. Однако даже после того, как золотая лихорадка утихла, поселения, которые обосновались в долинах западной Монтаны, снабжались речными пароходами, плававшими по Миссури. Последний всплеск активности пришелся на индейские войны 1870-х годов. Пароходы были заняты перевозкой припасов и солдат, сражавшихся с сиу, шайенами и нез-персами. Когда Северная Тихоокеанская железная дорога наконец достигла Монтаны в 1881 году, на Миссури воцарился мир. В течение почти трех четвертей столетия эта река была спасательным кругом Монтаны.

За последние сто лет река стала менее значимой для жизни в Монтане. Когда по реке перестали ходить, люди покинули этот регион. Поселенцы, наводнившие штат в начале двадцатого века, избегали засушливых, неплодородных берегов реки. Немногие скотоводы пасли свои стада на берегах реки, почти не затрагивая их. При таком незначительном внимании овраги по берегам реки Миссури остались в основном нетронутыми. По этой причине и сегодня можно пробежать по порогам Мертвеца, полюбоваться на величественную ска-

лу Ла-Барж, разбить лагерь на Коровьем острове, прогуляться по траншеям лагеря Кука и увидеть эту землю почти такой же девственной, какой была она в тот день, когда Льюис и Кларк впервые её увидели.

С другой стороны, когда кто-то хотел использовать реку или изменить ее русло, это мало кого волновало. В 1930-х годах федеральное правительство построило плотину Форт-Пек и водохранилище. В то время как это было нужно для борьбы с наводнениями и выработки электроэнергии, но также уничтожило ряд уникальных особенностей 130-мильного участка дикой реки. Современный путешественник не сможет повторить и половины путешествия Шульца или Льюиса и Кларка по свободно текущей реке. Как писала об этом национальная Газета Парковой Службы: *«Земля, которая когда -то была берегом реки, затоплена, и события прежних времен приобретают характер мифа, навсегда скрытого от взора.»*

Участок реки между фортом Бентон и водохранилищем Форт Пек является последним нетронутым участком Миссури со свободным течением. Будем ли мы использовать его для работы большего количества генераторов или сохраним как историческую и природную ценность? Думаю, я знаю, как бы отнесся к этому Джеймс Уиллард Шульц.

О книге

Когда осенью 1901 года Шульц и Натаки решили проплыть по Миссури, им очень хотелось снова увидеть реку и ее извилистые изгибы, побывать на местах своих прежних приключений, вспомнить свои самые счастливые дни. *«Изменчивый, бурлящий поток, причудливые скалы, красиво заросшая лесом тихая долина обладали для нас особым очарованием, которого не было ни в одном месте великих гор».*

Описание их последнего путешествия и все воспоминания, которые оно вызвало, стали темой книги «Плавание по Миссури». Впервые она была опубликована в двенадцати частях, или главах, в журнале «Лес и ручей», между 15 февраля и 24 мая 1902 года, и до сих пор не была сведена воедино и опубликована в виде книги. Текст, представленный здесь, в основном такой, каким он был первоначально, с небольшими редакторскими изменениями, и следует отметить, что написание имён собственных Шульцем может отличаться от того, которое используется сегодня. Некоторые длинные абзацы были разделены для удобства чтения. Были добавлены несколько редакторских заметок, помогающих уточнять или объяснять некоторые места.

Сегодня история этого замечательного путешествия практически неизвестна, за исключением горстки поклонников Шульца, но это маленькая жемчужина, литературный и опи-

сательный шедевр, который заслуживает того, чтобы его опубликовали. Это почти так же, как если бы Гек Финн, совершив одно путешествие по реке, отправился на запад, вырос и совершил ещё одно. Река даёт Шульцу возможность описывать места, условия, людей и события, происходившие на ее берегах в то время и ранее, вплетаться в индейскую мифологию, комментировать события прошлого, восхищаться красотой природы и размышлять о судьбе всего этого перед лицом развития цивилизации. То, что он рассказывает о жизни на берегу реки, относится к прошлому, но в нем есть кое-что интересное для нас сегодня.

ЮДЖИН ЛИ СИЛЛИМАН
ДИР ЛОДЖ, МОНТАНА

I

Наконец-то наши мечты были близки к осуществлению. Мы давно планировали путешествие вниз по Миссури. из форта Бентон, откуда начинают ходить суда, до какого-то места – какого, решим позже, и вот мы здесь, с загруженной лодкой, готовые к отплытию. Лодка, которую мы называли «Хороший Щит», была всего лишь простой плоскодонкой с острым носом, длиной около девятнадцати футов и шириной в пять футов. Не сказать, чтобы она была очень красивой, но всё же надежной, лёгкой в управлении и вполне годилась для наших целей. В ней была наша палатка, печка, постельные принадлежности, одежда, оружие и боеприпасы, провизия на месяц или около того, и еще оставалось много места.

Нам так не терпелось отправиться в путь, что мы погрузились при свете фонаря. Но теперь небо на востоке окрасилось в малиновый цвет и было уже достаточно светло, чтобы разглядеть фарватер. Быстрое течение мягко подбрасывало и покачивало наше суденышко, словно говоря: «Давайте, зачем медлить? Поднимайте якорь, и я быстро унесу вас в страну вашей мечты.» Что ж, река течет как текла.

– Поднимайся на борт и занимай место на корме, – сказал я Сах-не-то (жена Шульца, Натаки, также известная как Женщина Прекрасный Щит), и как только она это сделала, я оттолкнулся от берега. Плюх! Сах- не-то бросила в воду ма-

ленький расшитый бисером мешочек из оленьей кожи. Что в нём было, я не знаю, да и не спрашивал. Но я услышал её тихую молитву:

– Духи воды, обитатели глубин, примите мою скромную жертву. Сжальтесь над нами, умоляю вас; не увлекайте нас навстречу смерти в своё холодное, тёмное царство; не выбирайте нас на скалы, скрытые пенящимся течением. Сжальтесь, сжальтесь. Примите моё подношение, молю вас, и не причиняйте нам вреда.

Сах-не-то не забыла богов и дьяволов своего народа, хотя и была замужем за бледнолицым все эти двадцать с лишним лет. Миссионеры и их вероучения для неё ничто; солнце, великолепное, ослепительно сияющее светило, является добрым и живым правителем мира. С его помощью и посредством жертвоприношений можно удержать злых духов от причинения вреда.

Я взялся за вёсла и сделал несколько длинных, уверенных гребков; благодаря быстрому течению мы понеслись вниз по течению со скоростью не менее пяти миль в час. Казалось, прошло всего мгновение или два с тех пор, как мы отчалили, и вот мы уже в нижней части города, напротив старого глинобитного форта, то есть того, что от него осталось. От огромной крепости с толстыми стенами (форта Бентон) сейчас не осталось ничего, кроме юго-восточного бастиона, и он тоже давно бы рухнул, если бы щедрый и подвижный заботой об интересах общества один из старожилов не покрыл его кры-

шей и не укрепил разрушающиеся стены. Пушки больше не торчат из глубоких бойниц, готовые выпустить град картечи в какую-нибудь группу атакующих краснокожих. То время давно прошло. Основанный в 1856 году Американской меховой компанией, этот форт в течение многих лет был центром обширной и далеко идущей торговли мехом. Сотни тысяч бизоньих шкур, множество волчьих и бобровых шкур, шкуры оленей и вапити были привезены сюда индейцами и белыми с далекого севера, с юга, со Скалистых гор и обширных равнин, окружающих его, а затем отправлены вниз по реке в Сент-Луис.

Сах-не-то долго и печально смотрела на одинокий бастион.

— Как хорошо я помню, — сказала она, — как мы с отцом и матерью приходили в этот форт торговать. Когда наступала весна и лошади набирались сил, наевшись свежей зелёной травы, целый лагерь собирался здесь, чтобы обменять добытые зимой шкуры и меха. Независимо от того, насколько велико было расстояние от реки Красного Оленя на севере, возможно, от Йеллоустона, или от подножия Скалистых гор, или от какого-нибудь места далеко вниз по реке, мы всегда приезжали сюда ранней весной. Когда люди из форта видели, что мы спускаемся с холмов в долину, они поднимали большой флаг и стреляли из пушки, чтобы поприветствовать нас. В те дни нас было много, и когда мы двигались, люди ехали верхом, а лошади, которые тянули волокуши и вигвам-

ные шесты, тянулись по равнинам широкой темной полосой длиной в несколько миль. Когда мы приближались к форту, впереди ехали великие вожди, гордые воины, одетые в свои военные наряды. И когда поднимался флаг и гремел пушечный залп, они стреляли из своих ружей и бросались к воротам, распевая песню радости и дружбы.

Затем выходил великий белый вождь, пожимал им руки и приглашал их войти, чтобы попировать, покурить и рассказать о том, что они пережили зимой. И пока они сидели в комнате с великим белым вождем, отряд за отрядом торопливо спускались с холма, женщины кричали и нахлестывали лошадей, шесты для вигвамов гремели и лязгали, волокуши подпрыгивали, когда их поспешно тащили вперед. А потом один за другим, по двое, по трое и по пятеро на равнине у реки начинали ставить вигвамы, разводить костры, и вскоре сотни столбов дыма поднимались к облакам.

Когда пир и беседа заканчивались, вожди расходились по вигвамам, и каждый приносил с собой какой-нибудь подарок. Мой отец всегда приносил мне что-нибудь со стола белого, а я высматривала его и бежала ему навстречу. Иногда он приносил мне сухарик, иногда кусок сахара, и, взяв их у него, я убегала в наш вигвам и показывала маме то, что он мне дал. В те дни такие мелочи очень ценились, особенно детьми; только раз или два в год они становились счастливыми обладателями галеты или кусочка коричневого сахара. Но нет, мы никогда не были голодны. в вигваме всегда было

мясо — мясо бизона, вапити, оленя и антилопы; и у нас были ягоды, много, разных видов, сушёные на зиму.

Далее мы проехали мимо форта и спустились по отмели Шонкин к устью одноименного ручья, который берет начало в горах Хайвуд на юге. Больше это не ручей. Когда-то это был большой ручей с чистой горной водой. В его прозрачных глубинах водились стаи форели, а бобры перекрывали его своими плотинами. Затем пришел белый человек и использовал эту воду для орошения обширных участков бесплодной равнины, так что теперь по старому руслу не течет ничего, кроме небольшого количества коричневой щелочной воды. Форель мертва, бобры исчезли и никогда не вернутся.

Чуть дальше мы миновали «Гроскондунез». Здесь река Тетон делает изгиб к югу, в крайней точке которого она отделяется от Миссури только узким, острым и высоким хребтом. Вдоль его вершины проходит старая индейская тропа, которая ведет от форта к устью Мариас. Именно здесь в 1865 году вождь племени пиеганов Маленький Пёс встретил свою смерть, убитый своими же соплеменниками.

В то время пиеганы были непримиримыми врагами белых. Они приходили в форт, заявляя о мире, и обменивали свои шкуры, но отряды их воинов в любое время года отправлялись в путь, даже иногда далеко на юг, по Калифорнийской сухопутной тропе, в поисках скальпов и добычи. Из всего племени только Маленький Пёс был другом белого человека и всеми доступными ему средствами старался

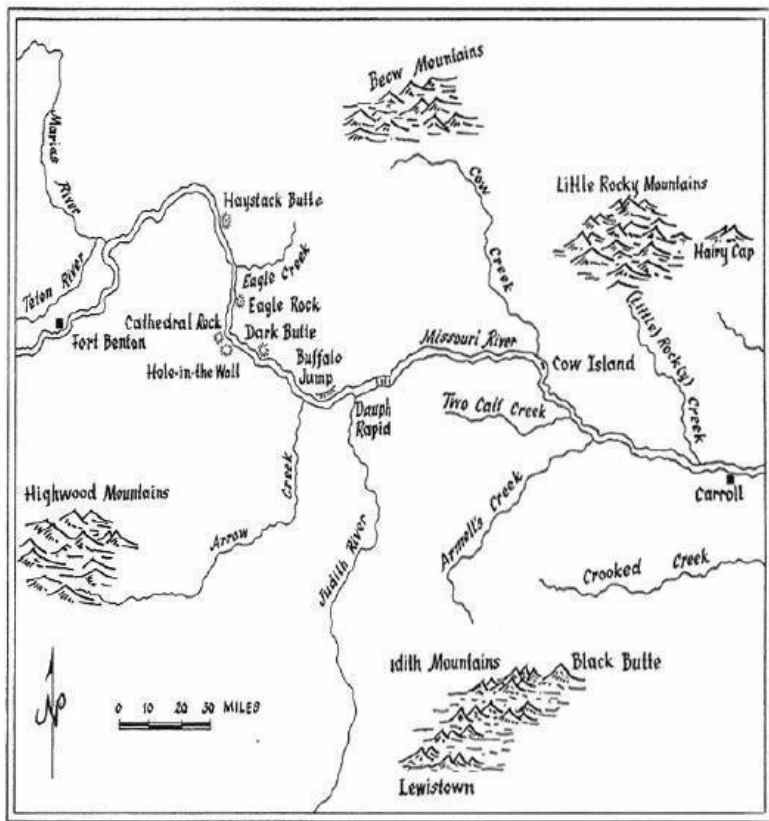
поддерживать мир со своим народом, даже застрелил одного или двух самых упрямых и кровожадных. Он был особым любимцем управляющего Американской меховой компании майора [Эндрю] Доусона, который время от времени дарил ему много ценных подарков и часто отправлял его вниз по Миссури на лодках компании, чтобы он мог увидеть мир. Его воины боялись его, потому что он правил ими железной рукой, и они завидовали милостям, которые ему оказывают. Ни у кого не было такого прекрасного оружия, таких ярких одеял, таких замечательных сёдел и уздечек, как у него.

Однажды четверо или пятеро самых вспыльчивых воинов собрали тайный совет и решили, что, если племя хочет и дальше добывать скальпы и трофеи, их вождь должен умереть. Лагерь в то время находился в устье реки Мариас, примерно в двенадцати милях от форта, и они знали, что Маленький Пёс был там в гостях у агента и собирался вернуться домой в тот же день. И они подъехали к Гроскондунесу и затаились в засаде. В сумерках он неторопливо подъехал верхом, напевая свою любимую военную песню. Все как один, они подняли ружья и выстрелили в него, и он упал с лошади без крика или стога, замертво.

Как ни странно, все его убийцы умерли в течение года; кто-то в бою, кто-то от болезни, а один упал, когда гнался за бизонами. Люди говорили, что это произошло потому, что солнце разгневалось на их злодеяния и покинуло их. Это был несчастливый день для племени, когда был убит их вождь.

Освободившись от оков его железной воли, храбрецы начали систематическую войну против белых. На одиноких трапперов и охотников, лесорубов, живших вдоль реки, путешественников по Орегонской тропе и тропе между фортом Бентон и приисками к западу от него было совершено множество нападений, многие были убиты. И вот наступило то январское утро 70-го года, когда полковник [Э. М.] Бейкер и две его роты пехоты поднялись на край утеса на реке Марияс, откуда открывался вид на часть лагеря пиганов, примерно на восемьдесят вигвамов.

Это была настоящая резня! Там белые отомстили за смерть многих несчастных пионеров, у которых осталось много беспомощных жен и детей. Из всех обитателей этих восьмидесяти вигвамов удалось спастись только троим. Мужчины, женщины и дети были без разбора расстреляны, а затем сожжены вместе со своими вигвамами и домашним скарбом. Это был суровый урок, но никаким другим способом нельзя было научить пиганов прекратить свои кровавые действия; с того дня они больше не снимали скальпы с белых.

Маленький Пёс был дядей Са-не-то. Поэтому неудивительно, что, когда мы проезжали мимо места его безвременной кончины, она на какое-то время впала в уныние. Но в такое прекрасное утро невозможно долго предаваться груст-

ным мыслям. С ясного неба светило солнце. река быстро текла среди узких полос леса, окаймлявших берег, окрашенных ранними заморозками в желтый и красный цвета. Здесь мы миновали отвесный берег, тянувшийся от кромки воды до уровня равнины. На противоположном берегу был пологий склон, поросший серой полынью и бизоньей травой. Сороки с нестройными криками перелетали через ручей взад и вперед. Утки летали в поисках какой-нибудь грязной заводи, где можно было бы найти сытный завтрак. То тут, то там на берегу выстроились стайки кур, которые вышли на свой утренний водопой. Острохвостые тетерева – это интересные птицы. Вы когда-нибудь подходили прохладным морозным утром к стайке и видели, как они бегают, гоняясь друг за другом, и всё время издают свой особенный и неповторимый говор? Черноногие говорят, что у них есть свой язык, и они разговаривают друг с другом так же хорошо, как и люди.

Утро выдалось слишком погожее, чтобы грести, а через час после восхода стало слишком жарко, чтобы сильно напрягаться; поэтому мы позволили лодке плыть по течению, время от времени опуская вёсла, чтобы удержать ее на струе.

Было десять часов, когда мы добрались до отмели Брюле и, миновав беспокойный участок, мы вышли на берег, чтобы размять ноги и собрать немного бизоньих ягод. Именно здесь в 1833 году мистер Джеймс Кипп основал торговый пост для Американской меховой компании. Следует помнить, что, когда Джордж Кэтлин, индийский художник

и филантроп, посетил верховья Миссури в 1832 году, мистер Кипп возглавлял представительство компании в селекции манданов, и они стали большими друзьями. Построенный здесь форт просуществовал недолго; черноногим в конце концов удалось сжечь его со всем содержимым и убить часть его обитателей. После недолгих поисков мы нашли на месте форта было всего несколько длинных, низких, поросших травой земляных насыпей и несколько растрескавшихся от огня камней на том месте, где раньше стояла печная труба.

Пока Сах-не-то собирала ягоды, я спугнул стайку цыплят и подстрелил трёх из них из своего охотничьего ружья, прежде чем они успели улететь за пределы досягаемости. Затем мы снова поднялись на борт и продолжили наше путешествие. В полдень мы прибыли к устью реки Мариас, в двадцати двух милях от форта Бентон. Это та самая река, которую Льюис и Кларк считали главным руслом Миссури и по которой они шли некоторое время, пока не убедились в своей ошибке. Это большая река, протекающая по огромной территории горной страны, её основными притоками являются река Срезанных Берегов, Двух Талисманов, Барсучий, Берёзовый и Дюпюйер. Все они начинаются в твердых Скалистых гор и питаются вечными льдами и снегами более высоких хребтов. Мы высадились на сухой песчаной отмели в устье реки и пообедали, запивая завтрак большими глотками прохладной, но слегка мутноватой воды.

– Эта также вода из Двух Талисманов, – сказала Са-не-то. – Наверное она протекала мимо нашего ранчо в предгорьях. Возможно, наш сын видел, как эти самые капли стекали по камням у брода.

Мы отдохнули час и продолжили путь. Проезжая мимо Испанских островов, Са-не-то обнаружила стайку зеленокрылых чирков, спавших на отмели. Я перестал грести и поднял ружье, а она направила лодку прямо к ним. Когда мы оказались в тридцати-сорока ярдах от них, они начали беспокойно вытягивать шеи и ковылять к кромке воды. Там они взлетели, но при звуке выстрела пять из них упали в воду, и вскоре мы их подобрали.

В половине пятого мы увидели «Угольные отмели», названные так из-за залежей некачественного бурого угля на утесах в нижней части большой долины. С рассвета мы прошли сорок две мили. Я вспомнил, что во время моего последнего путешествия вниз по реке в апреле 1882 года мы разбили лагерь на ночь в узкой полосе зарослей хлопковых деревьев и ив, и велел Са-не-то направить лодку туда. Высадившись, мы обнаружили, что находимся на мерзком месте – территории овцеводческого ранчо, но в память о старых временах я решил разбить там лагерь, и через несколько минут палатка была поставлена, в печи из листового железа разожжён огонь и начались приготовления к вкусному ужину.

Зима 1881-1882 годов была последним удачным сезоном в торговле шкурами бизонов в верховьях Миссури. Я

был нанят мистером Джозефом Киппом [сыном-полукровкой Джеймса Киппа] и в течение нескольких лет жил у него на торговом посту Кэрролл. В марте 82-го у нас закончилось виски, и вокруг нас разбили лагерь тысячи индейцев кри, черноногих и Крови. В каждом вигваме было множество отличных шкур на продажу, но наш запас тканей, провизии, красной краски и медных украшений был совсем не тем, чего они жаждали

– Дайте нам огненной воды, – говорили они, – и вы получите шкуры.

Поэтому я отправился в форт Бентон по суше, построил большую плоскодонку, загрузил ее двадцатью бочками дешёвого виски и доставил в Кэрролл быстро, как только мог. Менее чем через две недели после того, как я высадился на берег, у нас были шкуры, все до единой. Насколько я помню, во время этого грандиозного веселья в лагере не было ни одной ссоры со смертельным исходом. Это было незабываемое зрелище: несколько тысяч индейцев, мужчин и женщин, пили, танцевали, пели и делали самые странные вещи. Однажды несколько молодых индейцев кри и черноногих поссорились из-за права собственности на бутылку спиртного, и в ход пошли ружья и ножи. Тогда Воронья Лапа, вождь черноногих, и Большой Медведь, вождь кри, ворвались в возбужденный круг с ружьями наготове.

– Кто бы ни затеял драку, – сказал Воронья Лапа, – будь то Кри или черноногий, им придётся сразиться с нами.

— Ай, — сказал Большой Медведь, — он читает наши мысли. Возвращайтесь в свои вигвамы, глупые юноши, и стыдитесь своих горячих и дурных слов.

Они тут же ускользнули.

Пока я сидел и размышлял о тех старых добрых временах, у Са-не-то была занята ужином, и теперь она объявила, что все готово. Поджаренные на углях птички, печёный картофель, горячие бисквиты, тушёная брусника и чашка черного кофе. Я воздал должное всему этому.

Над долиной уже давно сгустились сумерки. На небе появились звезды, совы начали свой ночной концерт, на противоположном берегу реки завыл койот. Ничто не нарушало нашего спокойствия, кроме отдаленного блеяния проклятых овец. И вот, выкурив пару сигарет, мы отправились спать, с удовольствием предвкушая, мимо каких прекрасных пейзажей нам предстояло проехать завтра.

II

Из страны грёз нас вернул пронзительный свист и хлопанье крыльев. Многочисленные стаи водоплавающих птиц носились вверх и вниз по реке, но не обошлось и без серых гусей, и их крики было особенно приятно слышать. Было половина пятого. Я встал и зажег фонарь, а затем набил печку корой хлопкового дерева, так что её верх и стенки мгновенно раскалились. Приготовление завтрака не заняло у Сан-не-то много времени. Запеченный чирок, жареный картофель, горячие оладьи и крепкий ароматный кофе стали для нас обильной и сытной трапезой.

На рассвете мы все упаковали и спрятали в «Хорошем щите». Ночью сильно похолодало, и от воды поднимались тонкие струйки тумана. Однако они не могли скрыть вида на русло, поэтому мы вышли в струю и налегли на весла. От Угольного Берега до устья Маленького Песчаного ручья, примерно в пяти милях, река течёт почти строго на север; затем снова поворачивает на восток. Когда мы проплывали мимо этого ручья, Сах-не-то заметила стаю гусей, сидевших на нижней точке острова напротив него.

– Прекрати грести, – сказала она. – Там несколько белошеих.

Но не успела она договорить, как они начали сигналить и, поднявшись с берега, полетели вниз по реке. Затем они раз-

вернулись и вернулись, поднимаясь всё выше и выше по мере приближения. Они были, вероятно, ярдах в восьмидесяти от нас, когда пролетели прямо над нами, но я рискнул выстрелить и был несколько удивлен, увидев, как один из них, кувыркаясь и кружась, упал в воду с таким всплеском, что от него высоко поднялись мелкие брызги. Мы придержали лодку и подождали, пока птица подплывёт к нам, а затем подняли её. Это была молодая и очень упитанная птица.

В пяти милях ниже Малого Песчаного ручья мы подошли к первому из замечательных образований, которые старая река в течение бесчисленных лет постепенно открывала нашему взору. Здесь, в центре широкой ровной долины, возвышается холм Стог, круглый, с зазубренными краями, сложенный из тёмной вулканической породы, высотой в несколько сотен футов. В нижней части его склонов вертикальны, а затем резко наклоняются и сходятся, образуя острую вершину. Это странное зрелище – одинокий холм, возвышающийся на ровной равнине. К северу от него и к югу, за рекой, возвышаются утёсы из белого песчаника и голубой глины; нигде не видно ни одного, похожего на этот. Судя по тому, что видно с реки, сомнительно, что на него можно взобраться.

Орлы, похоже, считают это место безопасным для выращивания своих птенцов и устраивают на нем гнезда каждый сезон. Проезжая мимо, мы увидели пару птиц, парящих над ним.

Недалеко от холма Стог долина становится намного уже. Широкие низины исчезают, и с обоих берегов начинается крутой подъём к подножию утесов. Они сложены из песчаника различной степени плотности и имеют цвет от коричневого до ослепительно белого. Некоторые из них настолько мягкие, что дожди и растаявший снег оставляют на них бороздки и вырезают их с точностью резца скульптора. Тут и там вдоль этих скал, иногда группами от десятков до сотен, разной высоты, стоят стройные колонны из песчаника, увенчанные круглыми кусками темного и более твердого камня, словно гигантские каменные грибы. И снова в поле зрения появляются всевозможные фантастические очертания, которые мое бедное перо совершенно не в состоянии описать. С помощью фотоаппарата я пытался запечатлеть некоторые примечательные особенности долины, но расстояние было слишком велико. Ничто, кроме холста и красок, созданных рукой великого художника, не могло бы точно их передать.

Вдоль каньона, как его можно точно назвать, река течет очень быстро. Вскоре мы добрались до устья Орлиного ручья, в четырнадцать милях от нашей утренней отправной точки. Прямо под нами возвышается тонкая каменная стена, поднимающаяся от кромки воды на несколько сотен футов и уходящая на север, пока не переходит в утес из песчаника. Стена сложена, слой за слоем, из каменных блоков одинаковой толщины и ширины, но разной длины, которые, как ни странно, всегда перекрываются, так что ни один про-

межуток не превышает высоты блока. На противоположном берегу реки можно увидеть продолжение этой стены, выступающее из южного обрыва. Сколько времени потребовалось старой реке, чтобы пробить в ней брешь длиной в полмили?

Сах-не-то сказал, что эта великая стена была построена Стариком, когда он создавал мир. Я возразил против её теории на том основании, что ни один человек не смог бы поднять эти массивные блоки.

– Просто прыгнув, – ответила она, – он создал хребет мира (Скалистые горы). Почему же тогда у него не было силы поднять эти камни?

Я не ответил. Конечно, это была не более чем басня, как и известные нам некоторые другие; например, скала, из которой хлынула вода при ударе посоха некоего жившего в давние времена человека.

Река течет вдоль огромной стены с угрюмым ревом, сражаясь с огромными валунами, которые преграждают ей путь. Это обманчивая река, эта старая Миссури, обычно такая тихая в своем течении к морю, что можно подумать, будто в ней нет жизни. Но там, где ей преграждает путь камень или коряга, появляется шипение и рёв, и вода начинает бурлить, что говорит о её силе и стремительности. И ещё в её недрах происходит постоянное засасывающее кружение, которое слишком хорошо объясняет причину, по которой лучшие из пловцов боятся по ней плыть; подводное течение подхватывает их и объявляет своими. Тонущему в этом пото-

ке не приходится подниматься дважды или трижды, прежде чем он окончательно погибнет. Однажды погружённое в воду, его тело всплывет лишь спустя долгое время после смерти, во многих милях от места происшествия, где его могут найти выброшенным на берег и наполовину занесенным песком. Много лет назад одну из таких жертв реки мы и нашли, оставленную отступающими водами на пологом берегу – вздувшуюся бесформенную фигуру. Мы привязали несколько камней к её поясу ивовыми прутьями и утопили на глубине. Кем он был и как встретил свою судьбу, мы так и не узнали.

На протяжении нескольких миль ниже Орлиного ручья есть много узких стен вулканической породы, образовавшихся в давние времена, и песчаниковых образований, некоторые из которых поднимаются над кромкой воды. Почти все они тянутся строго на север и юг, но в одном месте двойная стена почти опоясывает холм, напоминая стены древнего города.

Еще час ленивого дрейфа привел нас к порогам Киппа, названным в честь бесстрашного преемника Льюиса и Кларка, который основал отделение Американской меховой компании в устье Мариас в 1833 году. Здесь, во время своего путешествия вверх по реке на своей длинной, с глубоким килем лодке, он обнаружил, что вода настолько мелкая, что ему пришлось тащить грузы волоком. Вода не могла быть ниже, чем в тот момент, когда мы преодолевали рифы, по-

тому что мы несколько раз зацепили гравий на дне, а лодка имела осадку всего в одиннадцать дюймов. Мне показалось, что я вижу, как эти крепкие кордельеры сгибаются, напрягаясь, дергая за длинную веревку, с помощью которой они тащили свою тяжело нагруженную лодку против быстрого течения. То по пояс, а то и по шею в холодной воде, то пробираясь вброд по зыбучим пескам или илу, то снова продираясь сквозь заросли ив и колючих кустов шиповника, они трудились с утра до позднего вечера. Грубая веревка натерла им плечи, и на них образовались твёрдые мозоли, которые каждое утро трескались и кровоточили. Вода и песок покрыли их ноги волдырями. Вечером они собирались у костра и сушили одежду, пока поглощали свой простой ужин из мяса и чая. Затем, укрывшись в зарослях ивняка или полыни, подалее от затухающего пламени костра, они ложились спать, положив рядом только что заряженные кремнёвые ружья, надеясь, что их не потревожит крадущийся военный отряд.

Но в их жизни была и светлая сторона. Ведь не всегда она была борьбой с быстрым течением реки. Были и счастливые зимние дни: азарт погони, приятные вечера в тёплых покоях на посту. А потом, весной, долгое, восхитительное плавание в три тысячи миль до Сент-Луиса, встречи с друзьями и возлюбленными, грандиозные попойки. Чего бы мы, современные охотники-дилетанты, не отдали за то, чтобы увидеть долину Миссури, кишашую дичью, какой она была тогда — бесчисленные стада бизонов, вапити и оленей, стада антилоп

и козлов, стада волков и повсюду гризли, поодиночке, парами, тройками и десятками. О, вот это была жизнь!

Чуть ниже порогов Киппа, на северной стороне, находится темный утес, выступающий из реки, который называется Орлиная скала. На самом его верху Сах-не-то обнаружила нечто, что, как она была уверена, слегка шевелилось. Я достал подзорную трубу и увидел, что это был одинокий снежный рог, баран, который стоял на краю обрыва, наблюдая за нами и время от времени притопывая передними ногами. И так он стоял, пока мы не скрылись из виду. В двух милях от порогов, которые мы миновали, возвышается утёс Цитадели, также расположенный на северном берегу реки. Его длина составляет не менее четверти мили, а его вершина внешне напоминает средневековые крепости на картинках. Можно было легко представить, что он кишит людьми в доспехах, оцетинился сверкающими пиками и остриями. Нас несло течением мимо него, и мы наслаждались видом на него с разных точек, я тем временем рассказывал Сах-не-то о древних крепостях, на которые он был похож, и о людях тех времен, которые носили кольчуги, стальные шлемы и чьим оружием были лук и стрелы, копыя и мечи.

– Какими же глупыми они были, – сказала она. – Мужчины не могут сражаться, отягощенные массой железа; битва принадлежит тем, кто проворен и быстроног.

Обогнув поворот, мы увидели Соборную скалу – тёмное нагромождение вулканической породы на южной стороне,

поднимающееся прямо из воды на высоту нескольких сотен футов. Сторона, обращенная к реке, заканчивается тонким шпилем, и от основания этого сооружения он тянется обратно к обрыву, как крыша церкви. Мы проплыли совсем близко от его покрытой шрамами ото льда стены, и медленное движение воды там указывало на большую глубину.

– Несомненно, – сказала Са-не-то, – кто-то из Подводных Людей должен жить там, внизу; они любят глубокие, тихие места.

Пройдя еще полмили, мы подошли к узкой полоске хлопковых деревьев и ив, кустов ежевики, окаймлявших берег; сразу за ними у подножия холма виднелась узкая ровная полоска поросшей травой земли.

– Почему бы не разбить лагерь? – спросила Сах-не-то. И, несмотря на то, что солнце стояло еще час в зените, я подплыл к пологому берегу. Вскоре мы поставили палатку на ровной полоске травы и устроили уютный лагерь. Затем, взяв ружьё, я пошёл по старой охотничьей тропе, которая шла вдоль гребня холма к далекой равнине.

Это была глубокая старая тропа, протоптанная бесчисленными копытами бизонов, вапити и оленей, которые проходили по ней в былые годы. Я был немало рад узнать, что ею всё ещё пользуются дикие обитатели долины. Здесь были многочисленные следы койотов и волков, а также отпечатки ног нескольких горных баранов и их детёнышей и длинные, сужающиеся к концу отпечатки копыт самца оленя.

– Если бы я только мог добыть тебя, старина, – подумал я, – как бы обрадовалась Са-не-то. С тех пор, как она покинула свой дом, она мечтала о *ни-тап-и-вак-син*, что на английском означает «настоящая еда». Птицу и тому подобное она могла есть, но мясо, по-настоящему свежее, было именно тем, что ей так хотелось.

И я погнался за оленем по крутому склону, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух и в то же время полюбоваться чудесным видом на долину, извилистую реку, скульптурные скалы и остроконечные вершины, раскинувшиеся по обе стороны. Все выше и выше, мимо глубоко врезанных бесплодных оврагов, мимо зарослей можжевельника и рощиц низкорослых сосен, и все время передо мной были следы большого оленя, манившие меня навстречу закату и сгущающимся теням ночи.

В конце концов, я был вынужден повернуть назад, так как в сумерках уже нельзя было разглядеть прицел винтовки. Я бежал вниз по склону холма. Земля была мягкой, и, как бы я ни прыгал, я не чувствовал толчков. Казалось, что прошло всего несколько мгновений, прежде чем я увидел палатку, светящуюся изнутри, как бледный опал. И тут я уловил аппетитный запах жареной курицы, кофе и других вкусов.

Когда я присел на краешек нашей лежанки, по индейскому обычаю, и добрый повар поставил всё это передо мной, я возблагодарил судьбу за то, что даже в эти дни ещё осталось место, где можно укрыться от нестройных звуков цивили-

лизации — даже от мычания скота — там, где когда-то царила природа. А потом, с удовольствием покурив, мы улеглись на уютной лежанке и заснули, а далеко в ущельях пели свои серенады койоты и волки. Пусть они долго избегают смертельных ядов и человеческих ловушек.

На рассвете мы снова были на плаву. Ночью дул теплый западный ветер, и тумана не было. Когда солнце поднялось над горизонтом, позолотив белые утесы и изъеденные временем песчаники по краям долины, мы подумали, что никогда еще не видели более прекрасного и причудливого творения рук природы. Сах-не-то была растрогана до слез. Я не знаю, в чем заключалась ее простая молитва восходящему королю дня; да, я знаю; но зачем повторять её искренние мольбы своему богу? Кто знает не больше ли от них пользы, как и от молитвы христианина его невидимому Богу?

Дыра В Стене! Кто бывал в верховьях Миссури, тот наверняка помнит эту удивительно тонкую и высокую стену из песчаника. С вершины высокого хребта она возвышается прямо над равниной, а затем спускается вниз на сотни футов, до уровня долины. Примерно в пятидесяти футах от места падения и, возможно, в двадцати от вершины несколько каменных блоков отвалились, оставив продолговатую зазубренную дыру. Когда мы увидели это, на мгновение сквозь нее засияло солнце, осветив немного горы и реку, заливая их ярким светом, и оставив всю остальную долину в темных тенях. Ни один путешественник не был так внимателен к опи-

санию физического облика местности, по которой они проходили, как Льюис и Кларк, однако в их дневниках я не нахожу упоминаний об этом удивительном чуде природы. Возможно, в их время это была сплошная стена.

Сегодня утром вдоль реки было множество канадских гусей. С каждой отмели и с каждой точки острова они выскакивали перед нами с оглушительными криками, которые эхом разносились от утеса к утесу в тишине утреннего воздуха. У меня было много возможностей сойти на берег и поохотиться на них, укрывшись за высокими берегами и зарослями ивняка, но у нас в лодке была одна толстая рыба, и этого было достаточно для наших нужд. В течение часа или более после отправления мы видели множество стай острохвостых тетеревов, которые, конечно же, собирались у берега реки на утренний водопой. Однажды несколько тетеревов носились среди стаи гусей, причем представители двух видов, по-видимому, не обращали внимания друг на друга. Как правило, в это время года тетерева приходили на водопой только раз в день, а остаток дня проводили в оврагах. Раньше, в августе, сентябре и октябре, пока стоит теплая погода, их всегда можно было найти у реки. Я бы не рискнул подсчитывать численность этих птиц в верховьях реки от Угольных Берегов, скажем, до старого форта Пек. На протяжении почти трехсот миль по воде их никто не тревожил, и они так же многочисленны, как и сто, а то и тысячу лет назад.

От Соборной скалы река течет на северо-восток на протя-

жении пяти миль, а затем резко поворачивает на юго-восток. Завернув за поворот, мы обнаружили, что дует умеренный попутный бриз, поэтому я поднял вёсла и поднял маленький квадратный парус из муслина, который захватил с собой как раз для такого случая. Несомые течением, мы быстро продвигались вперед, любуясь чудесными пейзажами прошедших дней. Вот и пики – череда острых выступов песчаника высотой от фута до пятидесяти. А потом мы подошли к скале Пароход – высокому, длинному, массивному утесу, лежащему в миле к северу от реки. Я никогда не замечал в нём сходства с пароходом. По обеим сторонам от него и дальше, далеко на севере, расположены череда холмов странной формы, типичных для этой страны.

Еще через час мы подошли к Темному холму – острову, высокому массиву коричневого конгломерата из пемзы и глины, поднимающемуся от берега реки на высоту не менее пятисот футов. Проезжая здесь на пароходе «Красное Облако» в 1880 году, мы заметили большого горного барана почти на самой вершине, с любопытством смотревшего вниз на лодку. Один из членов нашей группы, Эли Гуардипи опустился на колено на палубе и, положив винтовку на поручень, тщательно прицелился в животное, прежде чем выстрелить. При звуке выстрела баран высоко подпрыгнул, упал на бок, а затем, перекатываясь, кувыркаясь, скользя, плюхнулся в реку. Пароход был немедленно остановлен, и большое кормовое колесо удерживало его до тех пор, пока

баран не подплыл ближе, после чего матросы подняли его на борт. Это был великолепный и трудный выстрел, поскольку судно делало не менее двадцати миль в час. Если бы это удалось любому другому, я бы счел это простым везением, но об Эли и его меткой стрельбе я расскажу позже.

Миновав Тёмный холм и завернув за поворот, мы оказались у острова Паблос, названного в честь старого сотрудника Американской Мехаовой компании. Верхняя его часть представляет собой длинную и широкую песчаную отмель, но в нижней части заросли высоких и стройных хлопковых деревьев. Прямо ниже него находятся пороги Паблос. Когда мы вошли в них, я был так поглощен пейзажем на севере, что забыл указать пролив Сах-не-то, и «Хороший Щит» с сильным толчком сел на мель. Я надел болотные сапоги и, наконец, вывел её на более глубокую воду, хотя это было нелегко при таком быстром течении. От порогов мы быстро преодолели расстояние до Волчьего острова – почему и когда его так называли, я так и не узнал. А потом, проплыв ещё пару миль, мы подъехали к устью ручья Стрелы и высадились на обед, проделав с рассвета шестнадцать миль.

Ручей Стрелы берёт начало в горах Хайвуд и на протяжении части своего русла протекает по глубокой и узкой долине, местами напоминающей каньон. В месте своего впадения в Миссури она образует широкую и красивую равнину, все дальше и дальше оттесняя старую реку на север, к холмам. Здесь есть прекрасная лесная роща вдоль края рав-

нины, окаймляющей реку. Сразу за ней мы обнаружили развалины старого охотничьего домика – наполовину хижины, наполовину землянки. Там не осталось ничего, кроме камина и дымохода из дикого камня. С одной стороны от него возвышалась огромная груда костей, черепов и рогов бизонов, вапити, оленей и горных баранов. Не всё это было работой старых лесорубов, людей, которые снабжали пароходы топливом. Раньше они охотились, ставили капканы и облегчали себе жизнь. Много приятных вечеров они провели у старого камина после долгого рабочего дня. Они рассказывали множество историй о своих приключениях, глядя, как на раскаленных углях поджариваются жирные ребрышки с хрустящей корочкой.

После обеда Сах-не-то с довольно умоляющим, как мне показалось, видом заметила, что нашла в кустах несколько густо усыпанных бизоньими ягодами кустов.

– И ты хочешь их собрать? – спросил я. – Очень хорошо, тогда разобьем лагерь. Мы не будем торопиться с этим путешествием, даже если замерзнем где-нибудь внизу.

III

Поставив палатку и устроив лагерь, я вскинул ружьё на плечо и двинулся вверх по долине. Ручей был окаймлён тонкой каймой из хлопковых деревьев и ив, и некоторое время я бродил по его берегу в поисках признаков дичи. В русле ручья то тут, то там стояли лужи воды. Владельцы ранчо в бассейне реки Джудит уже давно отвели ручей Стрелы для орошения своих земель, и он больше не является полноводным, за исключением периода июньских дождей. В каждом из бочагов, к которым я подходил, было полно уток, крякв, белоголовок и чирков. Из кустов шиповника куропатки-самцы постоянно взлетали передо мной и снова садились, пролетев двести-триста ярдов. И вдруг из небольшой рощицы тополей выскочил одинокий белохвостый олень и помчался к холмам быстро, как только мог.

Я выстрелил в него дважды и уже собирался нажать на курок в третий раз, когда он сделал последний прыжок и за-мертво упал на дно оврага. Я не перерезал ему горло, так как по расположению пулевого отверстия понял, что у него было внутреннее кровотечение, и, вскрыв его, обнаружил, что я был прав. Сах-не-то услышала мои выстрелы и присоединилась ко мне; она была очень рада моему успеху. Я отрубил оленю голову, сначала отделив язык, а затем, взвалив тушу на плечи, мы вернулись в лагерь.

Это был небольшой олень, всего трехлетний, но он оказался очень тяжелым, и мне пришлось часто отдыхать, прежде чем мы добрались до палатки. Перед ней было подходящее дерево, и, просунув палку между ногами оленя, я поднял его на ближайшую ветку, подальше от земли.

Охотник никогда не почувствует себя в своей тарелке, пока не повесит кусок мяса в лагере. Здесь могут в изобилии водиться утки, куры и гуси, но чувство абсолютного удовлетворения никогда не наступит, пока олень или лось, баран или антилопа не закачаются на ветру на ближайшей ветке. Так, по крайней мере, мне казалось, и Сах-не-то тоже; у нас была «настоящая еда», *ни-тап-и-вак-син*, о которой она так мечтала. И тогда я почувствовал некоторую гордость от того, что убил оленя; за девятнадцать лет я ни разу не стрелял в бегущее животное, и все же уложил его двумя выстрелами. Возможно, своим успехом я был обязан прицелу Лаймана. Я никогда раньше ими не пользовался, но впоследствии опыт подсказывает мне, что промахнуться с ними почти так же трудно, как и попасть в цель.

Ужин был окончен, посуда вымыта, за плитой сложено много сухих дров. Сах-не-то зажгла фонарь и возобновила работу над парой мокасин, которые она вышивала узором в виде виноградной лозы из разноцветного бисера.

– Скажи мне, – спросил я, – почему этот ручей называется *Ап-си-сак-та*, ручей Стрелы?

– Это название было дано ему давным-давно, – ответи-

ла она, — древними из-за странной, очень странной вещи, которая там произошла. Давным-давно жила-была прекрасная молодая девушка по имени *Ах-ве-Кас*, Антилопа, дочь вождя. Она была столь же добра, сколь и красива, и очень трудолюбива. Ни у кого не было более белой дубленой кожи и более мягких кож, чем у неё. Неудивительно, что все молодые люди были её рабами и мечтали взять ее в жены. Но всем им она отвечала «нет» и оставалась со своими родителями, делая всё, что было в её силах, для их благополучия и счастья. Один за другим знатные люди, богатые мужчины из лагеря, делали предложения её родителям, они предлагали лошадей и другие богатства, но родители всегда спрашивали её, согласна ли она, а когда она отвечала «нет», то они не настаивали. Так девочка росла, год от года становясь всё красивее, и достигла зрелости. Говорят, что ее волосы, когда они не были заплетены, почти касались земли; что ее большие, ласковые глаза были как у олененка, глубокие и ясные, с выражением, которое я не могу точно описать, заставляли сердце мужчины бешено биться в груди. Она была высокой и стройной, но с округлой и грациозной фигурой. Она могла бегать, как олень, и плавать как выдра.

Однажды весной люди остановились на некоторое время лагерем где-то на этом ручье. Однажды из стойбища черноногих, расположенного далеко на севере, приехал молодой человек навестить своих родственников-пиеганов, и в тот же вечер отец *Ах-ве-кас* пригласил его прийти к нему в вигвам

на пир. Молодая женщина поставила перед ним еду, взглянула ему в лицо и поспешно вернулась на свое место. Он лишь мельком взглянул в её прекрасные глаза и был так потрясён, что не мог есть. По этому взгляду оба поняли, что созданы друг для друга. После этого юный черноногий каждый день приходил в её вигвам и подолгу беседовал с ее отцом о северной стране, о деяниях его народа, об их войнах, охоте и приключениях. Но он никогда не заговаривал с ней, а она с ним; но если они смотрели друг на друга робко, стыдливо – как влюбленные, то что же в этом плохого?

Наконец, однажды молодой человек сообщил вождю, что завтра он вернётся к своему народу, «но, – продолжил он, – я скоро вернусь, ведя перед собой много лошадей».

Когда он выходил из вигвама, его рука каким-то образом встретила с рукой девушки, и он легонько сжал ее; она, в свою очередь, сжала его руку, а затем прикрыла голову накидкой, стыдясь своей смелости.

– Интересно, – размышлял старик, – что он имел в виду, говоря, что скоро вернется, ведя перед собой много лошадей?

Ах-ве-кас была уверена, что она это знает, но ничего не ответила.

Самым настойчивым из всех ее поклонников был Черный Бизон, человек бешеного нрава и великий воин. Он был высок, широкоплеч, крупного сложения, обладал огромной силой и был столь же некрасив, сколь и силен.

Благодаря своим успехам на войне он стал очень богатым; ни у кого не было больше лошадей, ни у кого не было столько оружия, красивой одежды, шкур и мехов, чем у него. У него уже было две жены, которых он заставлял постоянно работать и которых жестоко избивал, когда что-то шло не так. И теперь он хотел, чтобы Ах-ве-кас стала его третьей женой. Почти ежедневно он посылал весточку ее отцу, предлагая за неё то одно, то другое, пока, наконец, посыльный не принес такое сообщение: «Так говорит Чёрный Бизон: возьми весь мой табун и что пожелаешь из остального моего имущества, и отдай мне взамен свою дочь».

Но, как и прежде, последовал ответ: – Нет, она тебе отказала».

Тогда Черный Бизон разозлился, избил своих жён и, обезумев, бросился вон из своего вигвама, сам не зная куда. Проходя по тропинке к реке, он встретил Ах-ве-кас и поднял руку, чтобы ударить её, и его лицо исказилось от ярости. Потом он передумал и крикнул:

– Итак, ты отказываешь мне; знай же, что ты всё равно станешь моей женой или умрешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.